

Политическая конфликтология в глобальном и региональном аспектах

Л. Н. ТИМОФЕЕВА (МОСКВА)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В МИРЕ И В РОССИИ: ЕГО СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Последние годы мир удивляют широкомасштабные социальные конфликты в десятках стран. «Человек протестующий», а не конкретная персона стал собирательным «человеком года» американского журнала «Time». Что происходит? Кто выходит на улицы? Против чего и кого протестуют люди? Есть ли у протестного движения общие тенденции, требования? С каким конфликтом мы имеем сегодня дело? Попробуем разобраться.

Философия бунта. Философия бунта сопряжена с экзистенциальными основами жизни человека. Но экзистенциальность его бытия дуалистична. С одной стороны, устремленность к власти и готовность беспрекословно подчиняться ей является одним из древних архетипов человеческого сознания. Без этого трудно себе представить процесс образования любого общества людей. Но столь же древне и противостояние власти — свобода, бунт, самостоятельный непрерывный поиск человеком новых решений, вера в собственные силы. Невозможность и нетерпимость бытия, бедность, унижение человеческого достоинства, попрание норм и правил, которые люди считают справедливыми, — все эти основания поднимают их на протест.

Еще И. Кант обосновал право человека на бунт. Он выступал наперекор бытовавшим в монархической Германии представлениям о безусловном приоритете общества и государства над личностью. Роль государства он видел не в установлении опеки над гражданами, а в обеспечении их свобод и ставил вопрос о правах человека в качестве общего принципа. Он связывал право человека на бунт с началом становления института права и гражданского общества, и именно по этой причине, по его мнению, — право на бунт не было доступно первобытному обществу, дикарям, чье главное оружие заключалось в простом насилии¹. В «Метафизике нравов» он утверждает, что граждане об-

¹ См.: Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 376.

ладают законным правом реализовать свои собственные цели тем способом, который они считают наилучшим. Ни государство в целом, ни власть — не могут решать за граждан, что приносит им счастье. Граждане должны сами делать свой выбор. Он размышлял также о том, почему закон сам по себе еще не обеспечивает подчинения народа государям. Кант связывал критерии общезначимости законов (или конституционных принципов) с автономией граждан (законодательством, вводимым самими гражданами) и полагал, что конституционные основоположения и позитивное право должны, в принципе, — иметь полную поддержку со стороны всех участвующих сторон (всеобщий консенсус). На практике законодатель должен стремиться принимать такие законы, которым в идеале могли бы оказать поддержку все граждане. Тому же Канту принадлежит интересная по глубине трактовка бунта: «Бунт в существующем государстве — это ниспровержение всех основанных на гражданском праве отношений, а стало быть, — ниспровержение всякого права, т. е. это — не изменение гражданского строя, а его уничтожение и затем переход к лучшему строю, что представляет собой не метаморфозу, а палингенез², требующий нового общественного договора, на который прежний договор (теперь уже недействительный) не имеет никакого влияния»³.

Вместе с тем Канта нельзя назвать апологетом бунта, для него важнее найти ответ на вопрос, как можно урегулировать конфликты, прийти к миру. Кантовская философия права содержит размышления о том, каким образом можно гарантировать наибольшую свободу индивида, чтобы свобода одного человека не мешала свободе другого. И он формулирует универсальный юридический принцип: «Право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»⁴. Иными словами: неограниченная свобода действия индивида должна быть сужена, чтобы быть совместимой со свободой каждого. Таково главное условие возможности мирного сосуществования людей, имеющих различные и даже противоположные цели.

Выводы Канта вполне современны. Нарушение прав человека, возвышение прав одних людей над другими или простое игнорирование их прав на практике — ведет к протестам и бунтам. К ним же ведут и устаревшие законы, не соответствующие новому порядку вещей и пониманию свободы.

Однако простые до гениальности выводы философа о соотношении прав и свобод граждан и о пути к «вечному миру» на практике обрастают слож-

² *Палингенез* — в переводе с греческого означает процесс образования сызнова — в отличие от метаморфозы — процесса преобразования чего-либо.

³ *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях. Введение в учение о праве. § В. Что такое право?// Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 2. М., 1965. С. 376.

⁴ Там же. С. 139.

нейшими, и, кажется, — неразрешимыми проблемами. Одна из них связана с пониманием места и роли субъекта протестного движения и характером его действия.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУБЪЕКТЕ ПРОТЕСТА. Протест, составляющий сущностное ядро критики социально-экономического или политического положения в стране, — формулирует и яростно отстаивает субъект социального активизма. Кто же был и является сегодня этим субъектом?

Есть «классические» концепции субъектов социального протеста. Всем известна теория борьбы классов К. Маркса. Согласно его учению, движущей силой исторического развития является классовая борьба, а ее главным субъектом — класс, представляющий собой оппозицию существующему характеру производственных отношений и их политической надстройке. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁵. В XIX в. ведущей революционной силой современности считался рабочий класс, имеющий свою политическую партию для борьбы за власть.

Уже в 50–60-е годы XX в. во многих странах происходит размывание той классовой среды, на базе которой формировались оппозиционные партии и партийные системы начала века. Рост числа инженерно-технических работников и служащих стал обгонять рост числа станочных рабочих. Научно-технический прогресс к 70–80-е годы так изменил промышленность, что численность рабочего класса существенно снизилась и составляла около 15% в развитых странах. По данным первой половины 60-х годов XX в., — только в США за 50 лет доля инженерно-технических работников и служащих в промышленности среди лиц наемного труда увеличилась с 12 до 28%. Рост интеллигенции там был виден на примере неуклонно увеличивающегося количества студентов университетов и колледжей, число которых составило в 1970 г. свыше 7 миллионов, увеличившись за десять лет на 4,5 миллиона. Появились основания утверждать, что рабочий класс утрачивает свою силу как главный революционный класс, а ему на смену приходят «синие» и «белые воротнички», готовые к революции менеджеры.

Увеличивается идеологическая и культурная дистанция, отделяющая граждан от традиционных институтов политического протеста — партий.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 205.

На Западе идет поиск новых оснований и новых субъектов протестного движения. Ими становятся непролетарские массы и нетрадиционные организации. В 50-е годы на базе конвергенции идей К. Маркса и З. Фрейда создается учение фрейдомарксизма (версия неофрейдизма), соединившее политико-экономическую парадигму анализа с глубинно-психологической парадигмой. В 1964 г. выходит книга Герберта Маркузе «Одномерный человек», в которой он утверждает, что современная ему развитая индустриальная цивилизация — это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы. Чтобы обеспечить лояльность своих функционеров, — индустриальное или позднекапиталистическое общество формирует у них соответствующую структуру потребностей, не выходящих за социокультурные рамки этого общества, — общества потребительства. Именно она рождает одномерного человека — продукт «репрессивной» цивилизации, подавляющей личность; цивилизации, — формирующей модель одномерного мышления и поведения, навязывающих систему ложных потребностей. Такого рода насилие превратилось в норму жизни, элемент культуры, стало адекватным обществу способом существования, получив прочное закрепление в самой психике человека, в структуре его потребностей и инстинктов, в его биологической природе. По его мнению, — революция против общества потребительства может быть успешной, если она затронет «антропологическую структуру» человеческих потребностей, прежде всего — сексуальную: как основу всех влечений в духе Фрейда. В качестве альтернативы насилию власти он предложил стать в оппозицию к ней на трех уровнях. На антропологическом уровне — восстановить изначально эротические влечения, подавленные индустриальным обществом, т. е. объявить сексуальную революцию. На уровне культуры — предложить контркультуру: авангардистское искусство (прежде всего — сюрреалистическое), выражающее бунт этих влечений против «репрессивной культуры». На социальном уровне — поддержать общественные группы (молодежь, люмпены, национальные меньшинства, население стран третьего мира), еще не интегрированные современным «индустриальным обществом», не сумевшим развить у них соответствующую — «репрессивную структуру влечений». Ведущей оппозиционной силой объявляется левая интеллигенция и студенческая молодежь.

Известны и другие концепции движущих сил социальных протестов XX в.: «восстания масс» Ортеги-и-Гассета⁶, «восстания элит» Кристофера Лэша⁷, «восстания среднего класса» Б. Ю. Кагарлицкого⁸.

⁶ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 1991.

⁷ См.: *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

⁸ См.: *Кагарлицкий Б. Ю.* Восстание среднего класса. М., 2003.

В первом случае (начало XX в.) субъектом неповиновения провозглашались появившиеся на новом витке развития капитализма массовые организации, порожденные массовым производством, массовым потреблением, массовой культурой. Восстание закончилось компромиссом масс с капитализмом на почве создания модели «социального государства».

Во втором случае (середина XX в.) субъектом неповиновения стала элита, которая, чтобы сохранить свое статус-кво, — вынуждена была осуществить демонтаж «социального государства» и провести неолиберальные контрреформы, где неравенство провозглашалось ведущим принципом, а несправедливость — двигателем прогресса, границы же рынка фактически отменялись. Правда, и в первом, и во втором случаях «чистота» построенных моделей не была идеальной, поскольку рынок был в первой модели, а его ограничение в определенных сферах существовало во второй.

В третьем случае (конец XX в.), субъектом неповиновения объявлен «средний класс» — дитя компромисса капитала и труда, который фактически был отменен. Как пишет Борис Кагарлицкий: «Круг замкнулся. Для того чтобы умиротворить массы, их превратили в средний класс. Но элиты нарушили социальный компромисс. Война объявлена. И средний класс, нехотя и неожиданно для самого себя, вновь превращается в неуправляемую и бунтующую массу, которая так испугала буржуазных мыслителей в конце позапрошлого века»⁹.

Понятно, что сегодня мы имеем дело не с тем средним классом, так называемым классом буржуазии, занимавшим промежуточное положение между аристократией и народом на исходе феодального периода развития общества, а с новым средним классом, который весьма пестр по своему составу. Его основу в 60–70-е годы XX в. составили учителя, врачи, государственные служащие, квалифицированные рабочие, которые постепенно стали терять свой статус. Фактически с победой информационной революции из старого среднего класса к концу века вышел новый, который стал атрибутом нарождающегося информационного общества. Это — люди, имеющие высокие заработки в высокотехнологичных сферах производства, производители и администраторы компьютерных сетей. Их сознание и образ жизни формируется единой логикой информационных технологий. Этот класс — наднационален, креативен, чувствуют себя частью глобальных процессов, происходящих в мире. Главным критерием этого среднего класса стало потребление, а главной проблемой — недостаток доступа к политическому управлению. Новый средний класс в своем стремлении к социальному прогрессу имеет попутчиков: ра-

⁹ Там же. С. 6.

дикалов, националистов, левых, которые по-разному представляют себе это совершенное будущее. Фактически он стоит перед дилеммой: либо мирная эволюция к более совершенному политическому строю, либо — революция.

Французский социолог А. Турен принципиально поставил вопрос об общественных движениях как новом субъекте социальных изменений в современных западных государствах. На его взгляд, общественное движение — это одновременно культурно ориентированное и социально конфликтное действие некоего общественного класса, который определяется позицией господства или зависимости в процессе присвоения историчности, т. е. тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, на которые он сам ориентирован. Общественное движение может проявляться только в двусторонних политических дебатах, которые он называет борьбой¹⁰.

Действительно: в последние десятилетия XX в. силу набрали «новые» общественные движения, к которым относят женское движение, движение «зеленых», движение за мир, движение альтер- и антиглобалистов и т. д. В целом и целом их идеология связана с социальной философией шестидесятников — «новых левых»: она не принимает сложившегося социального и политического порядка и следует идеалам свободы, самовыражения и самоосуществления личности. «Новые новые» (левые и правые) нередко принимают участие в акциях друг друга и склонны к принципиально иным формам политической деятельности, чем традиционные партии, вплоть до театральных постановок, не признавая сложившихся партийных систем и традиционных форм политического представительства. В свое время критики «массового общества» Э. Фромм и Х. Арендт считали участие в общественных движениях «бегством от свободы», где люди ищут безопасности, удовлетворения потребности в занятии важным для всех делом и готовности подчинения лидеру. «Новые» далеки от этого, они решают вполне конкретные задачи в соответствии с имеющимися у них средствами. Современные политологи воспринимают эти общественные движения как признак того, что власть в постиндустриальном обществе носит рассредоточенный фрагментарный характер. И противостояние классов уступило место «демократическому плюрализму» и также имеет фрагментированный и плюральный характер.

Что же собой представляют участники этих социальных движений? Мы имеем дело с «новой оппозицией», представляющей собой **конгломерат разнообразных субъектов социального активизма**. Мощным двигателем протестного движения являются самоорганизующиеся по сетевому принципу отдельные граждане и их объединения вкупе с профсоюзами и общественными

¹⁰ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

организациями. Это идеологически неоднородная масса самого разного социального и демографического состава, обладающая «условной договороспособностью».

Форму их протеста можно назвать гражданским неповиновением. Гражданское неповиновение предполагает совершение незаконных акций, обычно коллективных, публичных, принципиальных и символических по своему характеру, использующих преимущественно ненасильственные методы протеста и обращенных к разуму и чувству справедливости населения. Оно нацелено на то, чтобы убедить общественное мнение гражданского и политических обществ (или экономического сообщества) в том, что какой-то закон или какая-то политика нелегитимны и потому требуются перемены. Участвующие в гражданском неповиновении коллективные субъекты призывают к утопическим принципам конституционных демократий, апеллируя к идеям фундаментальных прав или демократической легитимности. Гражданское неповиновение, таким образом, — есть средство восстановления связи между гражданским и политическим обществами (или гражданским и экономическим сообществами) в условиях провала легальных попыток первого влиять на второе, равно — как и всех прочих подходов¹¹. Гражданское неповиновение — это политическое действие с политической направленностью, по определению активизирующее публичные сферы гражданского общества и подразумевающее внеинституциональную активность граждан.

Что касается его ресурса, то, по мнению исследователя современных социальных движений О. Н. Яницкого, — *ресурс социального движения в условиях глобализации имеет принципиально экстерриториальный характер*: ресурсы берутся там, где их можно взять, а не там, где данная организация или движение сформированы. Процесс аккумуляции и расходования ресурсов зависит от успеха или неудачи протестной кампании¹². На этом основании их организаторов в ряде стран называют «иностранными агентами», принимающими помощь у иностранных государств.

Против чего протестуют новые социальные движения? Некоторые зарубежные исследователи отделяют «новые» социальные движения от «старых», ориентированных на материальные ценности¹³. Это и так, и не

¹¹ См.: Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер с англ.; общ. ред. И. И. Мюрберг. М., 2003. С. 749–750.

¹² См.: Яницкий О. Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // ОНС. 2012. № 3. С. 60–61.

¹³ См.: Kriesi H. P., Koopmans R., Dyrendak J., Giugni M. New Social Movements in Western Europe. A Comparative Analysis Minneapolis, 1995.

так. Новые социальные движения стремятся к обретению постматериальных ценностей (образование, свобода слова, соблюдение прав человека), но в конечном итоге это касается и пересмотра их статуса — политического и экономического. Фокальной точкой социального взрыва является отсутствие или ограничение права голоса, участия в принятии политических решений против длительного диктаторского или авторитарного правления одного лидера, его политического клана. **Принципиальным отличием новых протестных движений является отсутствие единого харизматического лидера (движение без лидеров, за идею или ценность), традиционных партий в качестве организаторов и целостных программ.**

Есть ли что-то общее, что объединяет субъектов социального протеста по всему миру? Безусловно, — есть и общий фон, на котором разворачиваются протестные движения, есть и общие причины, спровоцировавшие этот конфликт. Но в каждой группе стран он имеет и свои отличия.

По мнению специалистов, причины общемировых протестов связаны с кризисом капитализма, растущим неравенством и недовольством, вызванным кризисом традиционных институтов, на которых были основаны социальные контракты западных стран в предыдущие десятилетия¹⁴. Протестующие выражают свой гнев в трех обобщающих лозунгах: «Долой капитализм!», «Долой политиков!», «Долой банкиров!».

Одни аналитики в области экономики убеждены, что капиталистическая система исчерпала ресурсы жизнеспособности по причине завершения процесса глобализации: мир уже экономически интегрировался, стал одним общим рынком, и возможности экстенсивного развития сократились. Другие полагают, что мировой финансовый кризис связан с недопустимо увеличившейся долей «спекулятивного капитала», получающего прибыль из «воздуха»: ежегодная торговля валютой, осуществляемая в рамках FOREX (Foreign Exchange Market), составляет свыше 800 триллионов, что, по некоторым расчетам, — более чем в 80 раз превышает объем торговли реальными товарами¹⁵. Известно также, что 97% мировых банковских сделок являются оборотом бумаг, и всего 3% отражают и обслуживают производственную сферу¹⁶. Третьи видят угрозу в увеличении удельного веса транснациональных компаний (ТНК) в глобальной экономике: достаточно сказать, что общий ВВП ТНК составляет более 60% мирового ВВП, а 52 из 100 наиболее крупных экономик мира являются ТНК, и только 48 — государствами. К примеру: ВВП Royal

¹⁴ См.: Кокшаров А., Сумленный С. Призрак призрака // Эксперт. Специальный выпуск. 16–22 января 2012. № 2(785). С. 87.

¹⁵ См.: <http://www.alpari-miass.narod.ru/book/FOREX.htm> (дата обращения: 18 июня 2012 г.).

¹⁶ См.: <http://www.polit.mnov/2007/11/26/greathedged/>

Dutch Shell, Exxon Mobil или BP — больше, чем ВВП Польши, Швеции и Аргентины. Проблема состоит в том, что эти компании, как и международные финансовые экономические структуры, — не имеют четких обязанностей перед обществом, действуя исключительно на основе своих собственных финансовых интересов. В этом контексте любопытны выводы швейцарских ученых, которые подсчитали, что уровень глобализации сегодня таков, что, по сути, — миром правит одна мегакорпорация, куда входит двадцать наиболее значимых компаний¹⁷. При этом в самой богатой стране мира, откуда многие из них «родом», — в США обострились социальные проблемы: сегодня в стране 16,5% населения не имеет работы, а безработных среди молодежи в возрасте до 25 лет — почти 25%, а также — каждый год растет плата за обучение в среднем на 15%¹⁸.

Деструктивная логика «спекулятивного капитализма» значительно подействовала на восприятие современной демократической системы, которую, например, известные социологи и экономисты (Коллин Крауч, Михаил Делягин и др.) квалифицируют как «постдемократию»¹⁹. А разработчик экономических программ для президента США Барака Обамы профессор университета Беркли Роберт Райх в монографии «Послешок. Экономика будущего» прямо предрекает большие опасности для США (вплоть до переворотов), если в ближайшие годы не удастся сократить разрыв между бедными и богатыми.

На этом фоне участники движения «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street) поставили цель «разоблачить» и «свергнуть» нынешнюю несправедливую «капиталистическую систему» и направили острие своей критики против «глобальной экономической системы». Среди сторонников это движение, организованного 9 июня 2011 г. в Интернете канадской организацией «Adbusters Media Foundation» (выступает против «консюмеризма», глобализма и загрязнения окружающей среды и зарегистрировала домен occupywallstreet.org), — больше всего молодежи в возрасте 18–29 лет и единомышленников Демократической партии США. Благодаря новым информационным технологиям, — события развивались весьма динамично. Через месяц после призыва (13 июля) — была объявлена уличная акция: «мирным» путем захватить символ мирового бизнеса. Состоялись предварительные небольшие акции, а 17 сентября прошел уже широкомасштабный митинг, а еще через месяц — 15 октября — акцию поддержали в десятках стран мира. В демонстрациях участвовало уже 150 тысяч человек в 82 государствах и 950 городах мира.

¹⁷ См.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=60702&cid=9> (дата обращения: 18 июня 2012 г.).

¹⁸ См.: <http://www.kommersant.ru/doc/1786927> (дата обращения: 1 августа 2012 г.).

¹⁹ См.: Крауч К. Постдемократия. М.: ГУ-ВШЭ, 2010; Делягин М. Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? Владимир: АСТ Астрель, 2010.

Непосредственным поводом для нынешнего широкомасштабного социального конфликта, как известно, — стал крах ряда известных банков и разразившийся в 2007 г. финансовый кризис, быстро переросший в экономический и политический. Граждане, в частности, — недовольны тем, что правительства поспешили помочь банкам, а не гражданам. Глубинные, особенные причины конфликтной ситуации в США хорошо обрисованы профессором Райхом: если со времен Рузвельта и благодаря его реформам доля богатых в общих доходах общества постоянно снижалась, а доходы среднего класса росли, — то после избрания Р. Рейгана и проведения им «рейгономики» 1% доходов самых богатых возрос в 3 раза, тогда как доходы среднего класса — сократились. Если в 1990 г. заработная плата директоров предприятий в 70 раз превышала зарплату среднего американца, то теперь эта разница возросла до 325 раз²⁰. Резкое социальное расслоение и рост неравенства — вызывает недовольство масс.

Такой же версии придерживается и экономист Стюарт Лэнсли, автор книги о неравенстве. Он считает, что современные западные экономики все больше превращаются в двухскоростные: в быструю колею для сверхбогатых и в медленную — для всех остальных. До начала последнего кризиса уровень жизни вторых сохранялся, несмотря на снижение реальных доходов в основном за счет бума кредитования, часто — под обеспечение недвижимости. При этом финансовый сектор оставался источником прибыли для глобальной элиты сверхбогатых, ассоциирующихся с нью-йоркской Уолл-стрит и с лондонским Сити. Когда же финансовый пузырь лопнул, — пострадали в основном те, кто находился в медленной колее. Отсюда и призыв протестующих в Нью-Йорке, которые выступили от имени 99% населения: «Оккупируй Уолл-стрит!».

Это недоверие связано также и с той политикой, которую проводят самые богатые капиталистические страны, а называют политикой «капитализма катастроф», и которую тщательно проанализировала канадская журналистка Наоми Кляйн в книге «Доктрина шока». Согласно ей, Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, действующие в соответствии с доктриной чикагской школы экономиста Фридмана, обычно предъявляют к кризисным странам три требования: приватизация, отмена государственного контроля и резкое снижение затрат в социальной сфере. Эта политика возможна только при согласии населения с правительством и межэлитном соглашении. В противном же случае она применяется только в результате шока: некоего стихийного бедствия или вторжения в чужую страну под разными лозунгами (известная операция «Шок и трепет» ради защиты демократии), или — применения оружия собственным правительством.

²⁰ См.: Райх Р. Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2011.

В России в 1993 г. решение Бориса Ельцина послать танки и открыть огонь по зданию парламента — связало руки деятелям оппозиции, позволило провести приватизацию по сниженным ценам и породило печально известных русских олигархов²¹. Но такую же тактику использовал Дж. Буш после событий 11 сентября 2001 г. на Родине этой доктрины в США. Согласно Н. Кляйн: «Чтобы дать старт развитию комплекса капитализма катастроф, он без публичных дискуссий и широкого обсуждения передал в частные руки многие из самых деликатных и ключевых функций государства: от заботы о здоровье солдат, до допроса заключенных или сбора информации относительно каждого из нас»²². Самое главное, на что обращает внимание автор, — это то, что доктрина «капитализма шока» может лишь частично применяться в условиях демократии, но для ее подлинной реализации необходим авторитаризм. Чтобы проводить шоковую терапию в экономике, как это было в Чили в 70-е годы, в Китае в конце 80-х годов, в России — в 90-е и в США после 11 сентября 2011 г., — обществу необходимо пережить тяжелую травму, которая или приостанавливает функционирование демократии, или полностью ее блокирует. «Этот идеологический крестовый поход берет свое начало от авторитарных режимов в Южной Америке, а на самых значительных недавно покоренных территориях — в России и Китае — он до сего дня весьма комфортабельно сосуществует рядом с тираническим правлением, принося хорошие доходы»²³.

Экономическую проблему усугубляет кризис доверия к ключевым общественным и политическим институтам, который по времени совпал с разочарованием в капитализме и финансовой системе. Вот некоторые его примеры:

- многочисленные скандалы с расходами британских парламентариев, которые тратили деньги налогоплательщиков на оплату личных нужд и осужденных за это к различным тюремным срокам;
- утрата доверия к ряду ключевых немецких политиков из-за афер, связанных с написанием докторских диссертаций (министр обороны ФРГ Карл-Теодор Гуттенберг, один из лидеров немецких либералов Сильвана Кох-Мерин и ее коллега по фракции Георгас Хатцимаркакис и др.), а также — получение тайных кредитов в 500 тысяч евро под крайне выгодный процент (президент ФРГ Кристиан Вульф);
- коррупция в королевской семье Хуана Карлоса в Испании (зять короля герцог Пальма-де-Майорский, гранд Испании Иньяки Урдангарин обвиняется в растрате казенных средств в сумме 2,3 млн евро).

²¹ См.: Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2011. С. 24.

²² Там же. С. 27.

²³ Там же. С. 26.

Все это не могло не вызвать бурю возмущения у граждан этих стран. Не случайно по исследованиям Фонда Фридриха Эберта, демократией в том виде, в котором она имеется в Германии, — довольны лишь 46% граждан. А по опросам Института исследования общественного мнения Emnid, проведенного по заказу фонда Bertelsmann, — 88% жителей Германии высказались за установление нового экономического порядка, отличного от капитализма²⁴. Согласно опросам Edelman Trust Barometr, — менее половины жителей США и Великобритании верят в то, что бизнес приносит пользу обществу и по этому показателю американцы и британцы лишь на несколько процентов опередили россиян, которые изначально не доверяют своему бизнесу²⁵.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Рост протестных настроений в России имеет свою особенность. Двадцатилетний путь России к капитализму под лозунгами демократизации принес немало разочарований. «Народного капитализма» не получилось. По данным опроса, проведенного Институтом комплексных социальных исследований Российской Академии Наук, — 55% респондентов в возрасте от 30 до 60 лет и 43% в возрасте от 20 до 30 лет считают Россию недемократическим государством²⁶. Проводимые социально-экономические реформы, названные самой властью «непопулярными», привели к поляризации, росту социального неравенства и расколу общества. Сейчас около 200 российских семей владеют 80% богатств страны. Недоволен властью и появившийся при В. В. Путине новый средний класс, и творческая интеллигенция, испытывающая эффект депривации, когда ожидания перемен значительно превышают деятельность власти. На этом фоне растут националистические и сепаратистские настроения. Часто звучат лозунги «Хватит кормить Кавказ!».

Субъект российского протеста не просто разнороден, как и в странах Запада, но принципиально отличается от него по социально-демографическому и идейно-политическому составу. Это — конгломерат, состоящий из части нового среднего класса, «рассерженных горожан» (или, как их еще называют, — «сытых, но недовольных»), части российской художественной интеллигенции, внепарламентских радикалов коммунистического, либерально-демократического и националистического спектров, новых гражданских организаций и традиционных партий, имеющих места в Думе, но играющих весьма умеренную роль в этих протестах.

²⁴ См.: <http://lenta.ru/news/2010/08/18/kapitalissmus/>

²⁵ См.: Райх Р. Послешок... 2011

²⁶ См.: Акопов П. Точка возврата // Политический журнал. 2004. № 7(10).

Наблюдатели отмечают также большую заинтересованность в протестных действиях так называемой субэлиты, которая всегда идет за элитой, но не получает тех возделанных прав и привилегий, которые имеет сама элита. Хотя и сама элита (высшие чиновники, силовики, верхушка парламента, крупные капиталисты разных волн приватизации), смыкающая свои ряды вокруг тандема, — тоже далеко не спокойна, но все же находит компромиссы. а вот субэлита не только неспокойна, но и мечтает о большем. По мнению аналитиков, — в частности, Т. Гуровой, — субэлита делится на три группы:

Первая группа — **встроенные**, или приспособившиеся к политической системе по принципу «живи и дай жить другим», сотрудничай с элитой по мере необходимости (новое поколение региональных чиновников высокого ранга, а также — не приближенный к элите крупный, средний и малый бизнес, средний слой партийцев и лидеры крупных гражданских организаций, появившиеся за последние два года). У встроенных нет своего политического представительства на выборах, голосовали они за все партии, на президентских выборах поддерживали В. Путина и М. Прохорова.

Вторая группа — **обиженные или невстроенные**. Это — мощная страта, состоящая в основном из служащих и интеллектуалов второго-третьего ранга по влиянию, не допущенных к власти, представленных в основном Лигой избирателей и политико-сетевым проектом. Это — люди типа Алексея Навального, считающие себя наследниками ультралибералов 90-х и желающие занять более заметное место в правлении страной.

Третья группа — **агрессивные**, за которыми стоят организации — «мас-сюзеры», немногочисленные, но активные, апеллирующие к разным базовым ценностям: Сергей Удальцов во главе «Левого фронта» и Илья Пономарев («Справедливая Россия») — к социальной справедливости, Илья Яшин («Солидарность») — к индивидуальной свободе, Владимир Тор (Русское общественное движение) — к возрождению русского национализма²⁷.

Парадокс заключается в том, что, выступая от имени всего народа, — субэлита не очень артикулирует его насущные интересы, а требует ухода Путина и его окружения, т. е. смены элиты. Общей программы развития страны у нее нет.

Вместе с тем, нельзя отказать организаторам протестов в том, что все они сумели оседлать общую волну общественного недовольства предвыборной рокировкой, произведенной Путиным и Медведевым, и начали именно с морального протеста, поддержанного многими гражданами, доведя его ныне до

²⁷ См.: Гурова Т. Либеральная оппозиция пробивает дорогу для фундаменталистов // Эксперт. 2012. № 10(793), 12 марта.

политического. Однако с течением времени, продолжая игнорировать рациональное, реальные настроения масс и весьма предсказуемые и вполне реальные итоги голосования за Путина, — протестанты стали постепенно терять сторонников.

Необходимо отметить, что такого мощного и одновременного выступления активной общественности в крупных городах России зимой-весной 2011–2012 г. — не было со времен зарождения движения «Демократическая Россия». Но если тогда только начали использовать социальные сети «от человека к человеку», — то сегодня эта сеть пришла в Интернет и многократно усилила влияние на массы. Сразу после «спускового крючка» конфликта — публичной «переуступки» власти Д. А. Медведева В. В. Путину на съезде «ЕР» 24 сентября 2011 г. — начался массовый оппозиционный митинг в социальных сетях в Интернете. Выступить против «партии жуликов и воров» (по определению политического блогера Алексея Навального) — призывали «Живой журнал», Facebook и Twitter. Кроме призывов сопротивляться, — началась регистрация «протестантов», возник конкурс креативных идей для протестов в рамках закона; появились живые картинки с митингов. Словом, — развернулись новые формы борьбы оппозиционно настроенных граждан в социальных сетях. Фактически весь конец 2011 г. — начало 2012 г. в сетях шел никем не санкционированный оппозиционный митинг. «Сотни карикатур», «фотожаб» и роликов собирали тысячи перепостов, лайков и ретвитов. В каждом онлайн-голосовании «Единая Россия» еле преодолевала у «рассерженных» 7-процентный барьер.

Затем, как и в США, и в других странах, — протестанты вышли на улицы. Если еще в начале года реальный уличный митинг на 500 участников считался представительным, то после появления свидетельств о фальсификациях при подсчете голосов на выборах в Госдуму — на улицы вышли те, кто раньше даже не думал о такой форме гражданского протеста: предприниматели, консультанты, аудиторы, менеджеры. По некоторым подсчетам, — собравшихся на Болотной площади было до 70 тысяч человек. Основные лозунги дня, предложенные протестующими: пересчет голосов, смещение В. Чурова с поста председателя Центральной счетной комиссии, проведение новых досрочных выборов. Вместе с тем, эксперты, которые затем осмыслили итоги выступлений, — посчитали, что их надо перелить в требования изменения политической системы. Однако у протестантов до сих пор не появилось общей политической программы действий, которая разделялась бы всеми участниками движения.

В целом динамика конфликтной ситуации между властью и протестным движением развивалась в четыре этапа, каждый из которых характеризовался определенными целями, настроениями, дискурсами.

Динамика протестной активности:

Первая волна протестов: выступления оппозиции сразу после выборов в Государственную Думу РФ с требованием честного пересчета голосов и проведения перевыборов в парламент. Настроение оппозиции — романтическое. Настроение власти — растерянное бездействие. Много в этом отношении можно понять и оценить на примерах некоторых приводимых ниже весьма характерных высказываний:

Из дискурса оппозиции	Из дискурса власти
<i>«Мы знаем, зачем мы здесь. У нас украли наши голоса, и мы пришли сюда сказать: “Верните то, что наше. Мы не отдадим то, что принадлежит нам”. Нас не надо уговаривать подождать до тринадцатого года. Отдайте прямо сейчас. Или мы заберем сами. Я вижу здесь достаточно людей, чтобы взять Кремль и Белый дом прямо сейчас. Но мы мирная сила. Мы не сделаем этого. Пока». Алексей Навальный, из выступления на митинге 24 декабря 2011 г.</i>	<i>«Лучшая часть нашего общества или, вернее, наиболее продуктивная его часть, требует уважения к себе. Люди говорят: мы есть, мы имеем значение, мы народ. Нельзя высокомерно отмахиваться от их мнения. И очень правильно, что это мнение учтено, что есть благожелательная реакция власти...». Владислав Сурков, декабрь 2012 г.</i>

Декабрь 2011 г.

5.12.2011 — Митинг оппозиции на Чистых прудах сразу после выборов.

10.12.2011 — Первый массовый митинг оппозиции на Болотной площади.

24.12.2011 — Митинг оппозиции на проспекте Сахарова.

Вторая волна протестов: подготовка к выборам Президента РФ, когда властью стала использоваться тактика «отзеркаливания» протестов оппозиции и инициатива проведения митингов перешла к силам, поддерживающим кандидатуру В. В. Путина и итоги выборов в нижнюю палату парламента. Цель действий оппозиции: помешать В. В. Путину стать президентом. Настроение оппозиции — разочарованно-озлобленное. Настроение провластных сил — мобилизационное. Цель — легитимация итогов выборов.

Февраль 2012 г.

4.02.2011 — Шествие оппозиции по улице Якиманка и митинг на Болотной площади.

4.02.2012 — Митинг провластных сил на Поклонной горе.

23.02. 2012 — Шествие провластных сил по Фрунзенской набережной и митинг в Лужниках.

26.02.2012 — акция оппозиции «Белый круг» по Садовому кольцу.

Третья волна протестов: выступления провластных и оппозиционных сил сразу после выборов Президента РФ, где победил В. В. Путин. Тактика «отзеркаливания» провластными силами действий оппозиции продолжается и имеет поддержку в массах. Наблюдается попытка оппозиции перехватить инициативу. Ее цель: смена власти. Настроение: длительная борьба. Настроение власти: наступательное. Цель — стабилизация ситуации, попытка объединить народ.

Из дискурса оппозиции	Из дискурса власти
<i>«Победа Путина состоялась. Это медицинский факт. Даже с учетом всех фальсификаций, “каруселей”, вбросов перед объективами веб-камер объективно за Путиным большинство, которому нечего — и некого — противопоставить. По крайней мере пока. Безусловность результата не оправдывает методов, которыми он был достигнут. Вследствие изнасилования иногда рождаются дети, но это не оправдывает сам процесс». Один из организаторов митингов протеста Юрий Сапрыкин, март 2012 г.</i>	<i>«Я хочу сказать про эти митинги. Если наша милиция, или, как сейчас она называется, полиция, не умеет работать, не может справиться, то мы с мужиками готовы сами выйти и отстоять свою стабильность, но, разумеется, в рамках закона». Начальник цеха Уралвагонзавода Игорь Холманских, февраль 2012 г.</i>

5.03.2012 — Митинг провластных сил сразу после выборов президента на Манежной площади с выступлениями В. В. Путина и Д. А. Медведева.

5.03.2012 — Митинг оппозиции на Пушкинской площади. Отказ Удальцова и его сторонников покинуть площадь с намерением организовать палаточный городок. Задержания неподчинившихся полицией.

10.03.2012 — Митинг оппозиции на Новом Арбате.

Четвертая волна протестов: использование оппозицией креативных форм протеста, провокации с целью обострить ситуацию (использование судебного процесса над участницами панк-молебна в Храме Христа Спасителя с целью привлечь внимание к недовольным властью в связи со спадом интереса людей к итогам выборов). Цель оппозиции — продолжить борьбу за сме-

ну власти. Лозунги — антипутинские. Настроение: приподнято боевое. Цель власти: консолидация общества под лозунгом «Путин — президент всех россиян». Настроение: сосредоточенно-рабочее: «выборы прошли — забудьте».

Из дискурса оппозиции	Из дискурса власти
<i>«Миллион на улицах Москвы — это, конечно же, другая Россия. Это неминуемый раскол элиты, переход на сторону народа наиболее дальновидных представителей правоохранительных органов, органов судебной системы, региональных властей. Миллион — это неминуемый крах режима, разворот страны. Поэтому цель — миллион — предельно важна. Мне представляется, что миллион мы сможем вывести на улицы только тогда, когда требования политические будут объединены с требованиями социально-экономического характера...» Борис Немцов, в интервью «РР».</i>	<i>«Готовьте кэш, АппАзицЫонЭры». Александр Сидякин, инициатор поправок в закон о митингах, в своем твиттере.</i>

Май — июнь 2012 г.

6.05.2012 — организация оппозицией первого «Марша миллионов» по случаю инаугурации Президента РФ В. В. Путина. Массовые задержания при попытке изменить маршрут следования. Взаимные обвинения власти и протестантов в провокации.

7.05.2012 — начало «народных гуляний» по Москве, организованных оппозицией.

9.05.2012 — начало акции оппозиции «Оккупай Абай» в форме мирного сидения на газонах Чистопрудного бульвара рядом с памятником народному поэту Казахстана.

13.05.2012 — «контрольная прогулка» оппозиционеров с писателями по улицам Москвы.

12.06.2012 — Второй «Марш миллионов», организованный оппозицией на проспекте Сахарова.

Интересно также проследить через Яндекс.Блог движение мемов и лозунгов у оппозиции и власти за время противостояния:

<i>Динамика упоминаний мемов и лозунгов оппозиции и власти в Интернете с ноября 2011 по май 2012 г. по данным Яндекс.Блог</i>	
<i>Мемы и лозунги протеста (кол-во упоминаний)</i>	<i>Мемы и лозунги сторонников власти (кол-во упоминаний)</i>
«Партия жуликов и воров»: от 13.475 в декабре до 1227 в апреле-мае по нисходящей.	«Госдеп»: от 8240 в ноябре до 52749 в феврале с последующим снижением.
«Честные выборы»: от 3407 в ноябре до 87259 в декабре с последующим снижением	«Оранжевая чума»: от 6 в ноябре до 815 в феврале с последующим снижением.
«Россия без Путина»: от 3407 в декабре до 87259 в феврале с последующим снижением и вновь повышением к маю.	«Сетевые хомячки»: от 37 в ноябре до 678 в феврале с последующим снижением.
«Окупай»: от 20 в январе до 7038 в мае.	«Путин любит всех»: от 1 в декабре до 1212 в феврале и далее понижательно-повышательная волна.

Ощущается некоторый разворот власти в сторону протестующих: от конфронтации до попытки объединения через лозунг «Путин любит всех». Но оппозиция, напротив, — радикализуется. Что роднит российское протестное движение с цветными революциями, — так это то, что главным лозунгом в конце-концов на всех выступлениях стал заявленный в самом начале, но не поддержанный тогда большинством лозунг «Россия без Путина!», что является прямой калькой лозунгов «цветных» революций в странах третьего мира, но не протестов в развитых странах, которым не свойственна фиксация на конкретном лидере государства. Именно на «Марше миллионов» он стал преобладающим после того, как накануне состоялось вручение председателю ЦИКа Чурову ордена Александра Невского.

Очевидно, что с ухудшением экономической ситуации протестные настроения будут не только расти, но и могут втянуть в свою орбиту не только «сытых и недовольных», но и «голодных и недовольных». В связи с этим рост протестных настроений в современной России невозможно рассматривать только в плоскости структурно-функциональных, институциональных или коммуникативных подходов, что наиболее характерно сегодня для отечественных исследователей. Важно привлечь к изучению протестных настроений социально-психологический анализ поведения несогласных с точки зрения их страхов, тревог, политических ориентаций. Политические ориен-

тации — как социально-психологические образования — выражают идеи и ценности людей, в той или иной степени сочетающиеся с осознанными или неосознаваемыми ими предпочтениями и мотивами, которые они переживают на эмоциональном уровне. В условиях социально-экономического кризиса люди испытывают страх, тревогу за свое будущее и будущее своей семьи, детей, боятся нищеты и бедности и, традиционно, — боятся войны. Страх является мощным двигателем политических и гражданских процессов. Известно, что в ситуации, воспринимаемой людьми как угрожающая, когда в стране свирепствует тяжелый экономический кризис или ей грозит нападение внешнего врага, — возрастает притягательная сила жестко авторитарных политических ориентаций.

Вместе с тем, страхи у разных социальных страт имеют различную природу и, соответственно, — связаны с особой политической ориентацией. Если бедные слои и депрессивные регионы — патерналистски настроены, больше всего ожидающие помощи от власти, — желали победы «Единой России» и В. В. Путину на выборах 2011 и 2012 гг., то для среднего класса, обеспеченных групп населения, — этот факт становился источником сильной тревоги. Будучи настроенным на демократические преобразования в стране, — он менее всего хотел бы иметь перспективу авторитарного режима на 6–12 лет. Его также пугает отсутствие четких правил игры, и, прежде всего, — независимого суда, который не может сегодня гарантировать ни права на частную собственность, ни сохранность капиталов. И это сказывается на его негативном отношении к первым лицам государства и к общей ситуации в стране. Кроме того, — традиционное деление нашего общества на западников и славянофилов также порождает различные страхи и различные политические ориентации протестующих. «У державников превалирует страх потерять свое государство, потерять национальный суверенитет, страх превратиться в жителя колонии... Что касается новых западников, то они по большей части являются рабами страха перед российской государственностью. Им кажется, что воссоздание сильной власти приведет к возрождению тоталитаризма, политического насилия и ксенофобии»²⁸. Но, что удивительно: при разности отношений и те, и другие одинаково боялись материальных, биологических и социальных катаклизмов, а не духовных. Волнует и то, что еще никогда за последние двадцать лет отчуждение не было столь острым, когда 80% россиян считают, что с людьми надо быть настороже, что им доверять нельзя.

²⁸ Российский проект: как выжить и сохранить национальную идентичность // Независимая газета. 2001, 11 апр.

На повестке дня сегодня стоят острые вопросы: как объединить страну? Достаточно ли материально улучшить жизнь людей, чтобы они избавились от основных страхов и идентифицировали себя как граждане единой России? Каким должен быть объединяющий большинство граждан социально-политический и духовный проект развития страны и в чем его смысл? В состоянии ли нынешняя российская элита услышать разумные доводы протестного движения; способна ли в принципе пойти на коренные политические реформы, связанные с демократизацией политического процесса; захочет ли и сможет побороть бедность в богатой стране и одновременно пресечь чрезмерные аппетиты «сытых и недовольных», которые действительно в случае бездействия властей грозят нестабильностью и распадом России; можно ли насилием со стороны власти или со стороны оппозиции решить накопившиеся проблемы; не маргинализуется ли и не переродится ли новое социальное движение; смогут ли, в конечном итоге, власть и оппозиция прийти к кантовскому консенсусу? На эти вопросы мы получим ответы уже в ближайшем будущем.